

КОММУНИЗМ все зримее, все ближе.
Задачу драматического писателя второй половины двадцатого века я вижу прежде всего в том, чтобы искать, находить и утверждать те черты чудесного нового, которые определяют близкое будущее.

Вторая задача, может быть, не менее важная, — это резко и гневно указать на рабское, собственническое, суетное, мелочное, что осталось по наследству от прошлого и притаилось в уголках душ людей, иногда даже и не помышляющих об этом.

В соединении этих двух задач я и вижу основу, душу и суть современной драмы. Соединение их уже содержит в себе драматический конфликт. И с чем большей резкостью мы поставим обе эти задачи во главу драмы, тем большую выразительность приобретут ее герои и самое действие.

Ведь все мы поставлены временем в свидетели того, как в страшной борьбе умирает старое, и как часто для того, чтобы выжить, оно рядится в новые одежды, выдает себя за новое. Обязанность писателя — обнаружить этот злой обман и указать умирающему его место.

Коммунизм несовместим с двоедущием, свовкористием, стяжательством. Откройте сегодняшнюю газету — и вы почувствуете себя в гуще боя.

Вот почему для писателя позиция сражающегося солдата предпочтительнее поэзы регистратора и одописца.

Но есть и иные задачи и цели. Находясь в дальних заграницах, писатель с волнением сравнивает жизнь — их и нашу. Речь идет не о витринном великолении; я говорю о складывающемся характере нового человека, о его великой вере — той вере, которая отсутствует в мире видимых, но все же призрачных материальных благ.

Определить разницу их и нашей веры, разницу надежд и мечтаний — вот, на мой взгляд, лучший сюжет для современной драмы.

В канун съезда партии Театр имени Вахтангова показал премьеру моей новой пьесы «Потерянный сын». В ней идет речь о преодолении одиночества.

— Вот уж не съездская тема, — скажет иной.

Но я с ним не соглашусь.

Ибо для чего же в конце концов по-

ПРАВДА И КОММУНИЗМ — НЕРАСТОРИЖИМЫ!

требен человеку коммунизм, как не для того, чтобы навеки избавиться от одиночества? Буржуазные философы и литераторы вот уже много лет пытаются прославить одиночество как высшую форму духовной свободы человека. — Только одиночество делает человека сильным, — заявляют они.

На первый взгляд, в этой формуле и впрямь есть нечто привлекательное — кому в молодости она не кружила головы. И все-таки это страшная ложь, ибо именно с этой мысли начинался фашизм.

И разве не ясно, почему именно в наши дни, когда каждый стоит перед великим выбором, некоторые молодые снова хотят утешить себя мыслью о силе одинокого.

Нет, с этим стоило поспорить, и именно отсюда возник сюжет «Потерянного сына».

Какую, я хотел написать трогательную пьесу. Сообщаю, что это предсудительно и не совпадает с правилами где-то установленного корешого тона, но что подделавшись — я люблю искусство, которое трогает. Что до зрителя, го я всегда желал ему того же, чего желаю самому себе. А на мой взгляд, нашему театру недостает сердечности, страстности, азарта чувств, простой душевности, в конце концов.

Вслушиваясь в споры, которые мы ведем о положительном герое, я прихожу к убеждению, что мне мил, дорог и люб герой, который становится положительным в результате испытаний, выпадающих на его долю в живом действии пьесы. И в самом деле — персонажей, которые помогают герою понять и обрести правду, зритель, конечно, всегда будет уважать, но любить преданно и взволнованно он станет все-таки тех, кто в результате грудного пути наглядно, на его, зрителя, глазах станет лучше, чем он был до поднятия занавеса. В этом великий и прекрасный секрет театра. Человек хочет понять самого себя — вот основа этого секрета.

Случается, конечно, что зритель хочет развлечься.

Тогда он идет в театр, находит какую-нибудь пустенькую, но веселую пьеску, а если такой возможности нет, остается дома и малодушно раскрывает книгу, в которой описуется какое-нибудь нарушение Уголовного кодекса.

Что ж! Потеря времени — дело потерпевшего, но искусство на этот раз стоит в стороне, оно ждет человека, который хочет понять самого себя. И чем ближе мы будем подходить к коммунизму, тем нетерпимее, тем пристраснее мы будем вглядываться в самих себя, зная, что будущему потребен человек, освободившийся от трижды проклятых язв уходящего прошлого.

Мощь и величие искусства только в том и состоят, что оно растолковывает человеку причинность, смысл и цель его существования, открывает ему назначение в жизни.

Нет и нет — писатели существуют вовсе не для того, чтобы сочинять правила поведения для образцовых пай-мальчиков. Приподнимаясь над действительностью, никогда не следует забывать землю, памятуя, что для полета равно необходимы небо и земля.

Для того чтобы чувствовать себя счастливым, человеку нужен восторг. Потрясение восторгом, если так можно сказать... Что ж, это в силах искусства — ослеславить! Нежнейшая лирика Петрарки, Пушкина, Блока, полное утренняя солнца симфонии Гайдна и Моцарта, торжествующая прелесть полотен Корреджо, Рокотова, Мане — все это может ослеславить восторгом.

Но чем было бы искусство, если бы оно исчерпало себя этим?!

Человеку нужны великие страсти, великие потрясения души. Он должен казнить в себе рабское прошлое, должен готовить

себя к Великому! И вот в помощь человеку, в поддержку его мечтам являются Эсхил и Бетховен, Эль-Греко и Шекспир, Толстой и Достоевский.

За последние десятилетия для меня и для многих моих современников все явственнее обнаруживается значение Чехова: он связал девятнадцатый век с двадцатым, он весь устремлен в будущее — и не только мыслями и мечтами, но и формой их выражения. Рядом с Прометеем, Дон Кихотом, Мефистофелем и Макбетом, рядом с Карамзовыми, Андреем Болконским, Карениным появились трагические фигуры Иванова, Треплева, Войничского, Заречной...

Чехов показал трагическую их неразрывность с временем, которому они принадлежали, но полная его победа в том общении счастья, в том чувстве будущего, которыми наполнены Аня и Тузенбах, Ирина и Трофимов!

Чехов поистине был писатель всеобщий, вот почему я не могу не завидовать ему, завидовать глубоко и бесконечно. Ведь чем большему числу людей может писатель помочь понять самих себя, тем он более современен. А писатель, современный во всех отношениях, — гениален, ибо гений — это тот, кто нужен всем.

Я назвал Чехова потому, что он — мое глубокое и счастливое пристанище. Другой назовет Горького, третий — Маяковского, и каждый из нас будет прав.

По пути, указанному XXII съездом КПСС, мы идем к коммунизму, счастливые сегодня более, чем вчера. Но впереди еще нелегкая дорога. Однако конечная наша цель такова, что она поможет нам прийти к ней лучшими, чем мы есть сегодня. Ведь будущее примет только то искусство, которое лечит людские души чистой и беспощадной правдой. А правда и коммунизм — нерасторжимы!

Алексей АРБУЗОВ.